

УДК 141.33

Гендерна ідентичність в онтології постмодерну: есенціалізм VS. Конструктивізм

Не дивлячись на складне переплетення обговорюваних у даному випадку питань, головною проблемою залишається поняття "людської" природи чоловіка та жінки. Гендерна ідентичність утверджується посередництвом стабілізуючих концепцій статі, гендеру та сексуальності. Стать, як і гендер, є історичним, соціальним та культурним конструктом. Як політична категорія, гендер є постійно створюваною ознакою ситуативної взаємодії, що повною мірою відноситься і до гендерної ідентичності.

Ключові слова: гендер, стать, ідентичність, сексуальність, конструкт, суб'єкт, культура.

Несмотря на сложное переплетение обсуждаемых в данной связи вопросов, главной проблемой остается понятие «человеческой» природы мужчины и женщины. Гендерная идентичность утверждается посредством стабилизирующих концепций пола, гендера и сексуальности. Пол, как и гендер, есть исторический, социальный и культурный конструкт. Будучи политической категорией, гендер является постоянно создаваемым свойством ситуационного взаимодействия, что в полной мере относится и к гендерной идентичности.

Ключевые слова: гендер, пол, идентичность, сексуальность, конструкт, субъект, культура.

Despite the complicated interception of the problems discussed here the main issue is the notion of the "human nature" of man and woman: the role of reason, superiority of mind over emotions, reason over body, spiritual over material, etc. In contrast with essentialistic approaches, the concepts of social constructs determine an individual (man and woman) and his/her gender exclusively in the terms of cultural interrelation of historical and social contexts. Thus, the biological reality, which is called "sex", remains both a socio-cultural construct and a political category. Gender is claimed to be continuously created as an attribute of the situational interaction. Postmodern philosophers maintain that "sex" is substance which reveals itself not only in different manifestations of masculinity and femininity, but also in various modalities of pleasures; "sex" in itself is closed, we receive the notion of it only because of gender. On the other hand, gender is not stable, the meanings of "man" or "woman" abound in the indefinite arguments and non-fixed proofs.

Key words: gender, sex, identity, sexuality, constructs, subjects, culture.

Как справедливо замечают ученые, на протяжении трех тысяч лет философы использовали ограниченный набор тем и идей для истолкования гендерных различий. К. Уитбек полагает, например, что следующие три концепции дискурсивно повторяются постоянно: женщина – это неполноценный мужчина; две противоположные или дополняющие друг друга основы (мужская и женская) составляют реальность; сильные стороны и положительные качества, присущие женщинам, определяются мужскими потребностями [11, с. 64 – 88]. В результате – маскулинная онтология, базирующаяся на противоположности мужского и женского начал, пронизана андроцентризмом, где

мужское или маскулинный опыт принимается за норму. В маскулинной онтологии, как известно, принято считать, что маскулинность охватывает все черты, выделяемые в культуре в качестве свойственных сознательному и рациональному «Я». И хотя замечают, что эти первоосновы дополняют друг друга, ассоциация мужского начала с разумом, а женского с эмоциями и интуицией приводит к выстраиванию соответствующей иерархии.

При этом стремление разрабатывать феминистский подход к онтологии зачастую путают со стремлением доказать, что главным онтологическим началом является женское начало. Подобный подход, как отмечается, возник не в постмодернизме. Он характерен,

например, для феминистских исследователей Юнга и его предшественников Ницше и Баховена, писавших о «материнском праве» и о «дионисийском начале», которым противопоставляется отцовское право и «аполлоновское начало». Идеи о том, что существуют схемы психологического развития, типичные только для женщин и являющиеся альтернативой мужским (Н. Чодороу, Дж. Митчелл, С. Хардинг и др.), как правило, основываются на психоаналитических теориях не только Фрейда, Юнга, но и постмодернистов: Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Лакана. Именно Деррида охарактеризовал главную тенденцию западноевропейской культуры как «западный логоцентризм». В феминистской науке, как уже неоднократно отмечалось, логоцентризм – основной предмет критики постструктуралистских и деконструктивистских исследователей – воспринимается как фаллоцентризм. И эту проблему конфронтации с логосом патерналистской культуры феминистская критика, несмотря на неоднородность и сложность ее состава, всегда рассматривала в русле рефлексии об особой интуитивно-бессознательной природе женского способа осмысления мира и своего специфического бытия, деятельности в нем [4].

Несмотря на сложность обсуждаемых в данной связи вопросов, следует заметить, что главной проблемой остается понятие человеческой природы мужчины и женщины: роли рассудка, превосходства разума над телом, обесценивании других форм знания, специфическом способе мышления, «мужском знании». Феминистки, придерживающиеся постмодернистской ориентации (Р. Брайдотти, Дж. Ллойд, Д. Кул и многие др.), утверждают, что именно различия в сексуальности порождают разные виды мышления. Для других более важен женский опыт, чем любые врожденные биологические различия. Так, Джиллиган утверждает, что этот опыт привел к эмпирически фиксируемому различиям между мужчинами и женщинами в том, как они думают о мире и познают его [8, с. 48]. При этом утверждается, что необходимость воспитания детей приводит женщин и к особой нравственности, например, противостоящей милитаризму [10]. Не пытаясь исследовать «моральный» разум и не предпринимая попытку обучить моральному выбору с помощью рациональных аргументов, Н. Ноддинг, например,

анализирует, как этика заботы соотносится с «большой» западноевропейской картиной культуры. Исследовательница утверждает, что в основе морального действия лежит память о том, что значит быть окруженным заботой и вниманием в детстве. Таким образом, Ноддинг строит свои философские аргументы в пользу особого материнского мышления и особой материнской этики [9].

Данные концепты, как представляется, вполне согласуются с логикой когнитивного релятивизма, представители которого утверждают, что не существует универсального знания мира, есть только его различные интерпретации [6]. Следует заметить, что сложно говорить о новом подходе в онтологии, когда при этом терминология интерпретируется с точки зрения принятой онтологии: отношения между матерью и детьми в семейной жизни – хрестоматийные примеры тому. В отличие от эссенциалистского подхода концепты социального конструктивизма определяют человека, – и, собственно, его гендер, – только во взаимоотношениях с культурой, историей, социумом. Ученые утверждают, что различные формы культурной модификации, гендерные стереотипы играют исключительно важную роль в качестве когнитивных схем, лежащих в основе системы миропредставления каждого культурного сообщества. Как представляется возникновение гендерного сознания и доминирование конструктивистских методологий связано в современном обществе с тем, что именно гендерные стереотипы репрезентуют гендерные отношения в специфическом политико-экономическом и культурно-историческом контексте [2].

Мишель Фуко блистательно показал, что любое социально-политическое конструирование субъекта предполагает логику легитимации и исключения и должно осознавать, что политики реализуют двойное функционирование власти: юридическое и производящее. Закон сам производит «субъекта до закона», но затем скрывает этот факт для того, чтобы опереться на это дискурсивное образование как на натурализованный базис. Другими словами, десоциальная онтология личности служит закону фиктивным основанием его собственных притязания на легитимность [5]. Фуко продемонстрировал, что даже биологические аспекты пола приобретают социальный характер и на этом основании

могут рассматриваться не как природные, а как социально и культурно обусловленные. По Фуко, контроль над любыми проявлениями пола возможен лишь при помощи дискурсивных практик – способов интерпретации тех или иных проблем, приписывании им общественной значимости. Социальные институты западноевропейского общества – школа, церковь, право, медицина, искусство и т. д. – постоянно воспроизводят «истину» и сущности пола, следствием чего, считает Фуко, является фиксация всех проявлений пола и приписывании им нормативности и оценочности.

Согласно убеждениям ученых-конструктивистов, пол – это субстанция, обнаруживающая себя не только в различных способах выражения мужественности и женственности, которые определяют культурный образ тела определенного пола, но также в различных модальностях влечения и удовольствия. Здесь имеет место своего рода причинно-следственная связь, или, точнее, теория о том, что влечение и удовольствие – атрибуты пола, что они проявления пола, и к тому же сущностные, так как благодаря им мы осознаем пол. Как полагает М. Фуко, сам по себе пол закрыт, так как представление о поле мы имеем лишь благодаря гендеру и влечению. Философы-феминисты, вслед за С. де Бовуар резко выступая против эссенциализма, доказывали, что одно дело – родиться женщиной биологически и совершенное иное – стать женщиной в процессе «окультуривания». Однако возникает вопрос: как следует понимать «становление»? Теоретики гендера задают и другие вопросы: кто является субъектом, который осуществляет процесс становления, воплощает историческую идею гендера и приобретает гендер как свое культурное обозначение? В случае если гендер тела всегда заранее определен, если личность человека соотносена непосредственно с гендером, тогда в чем смысл обращения к субъекту, обладающему онтологическим статусом еще до гендерного определения? Если понимать гендерное становление как некую деятельность или проявление воли, тогда возникает вторая, связанная с этим проблема: каков смысл приобретения гендера в мире, где гендерные взаимоотношения строго определены и глубоко закреплены? Какого рода эта свобода? Отвечая на эти вопросы, Дж. Батлер в своем классическом для феминистской теории «Гендерном беспокойстве»

доказывает, что пол также конструируется, как и гендер, что гендер предшествует полу, и что гендер всегда перформативен [7]. Гендерная идентичность, по мнению Батлер, утверждается посредством стабилизирующих концепций пола, гендера и сексуальности, и, следовательно, само понятие «личности» ставит под вопрос культурное появление тех «несвязных» или «прерывных» гендерных человеческих существ, которые являются личностями культурной интеллигибельности, определяющей «сэлф» человека – мужчины и женщины.

Культурная матрица, посредством которой идентичность становится интеллигибельной, требует, чтобы определенные виды идентичности не существовали, – те, в которых гендер не вытекает из пола, т.е. те, в которых практики желаний не следуют из секса или гендера [7, с. 23 – 24].

Гендер как идентификация с одним полом или одним объектом – это фантазия, утверждает Батлер, гендер – это набор интернационализованных образов, а не набор качеств, это скорее набор знаков, наложенных на психическое чувство идентичности, то есть Батлер утверждает, что гендер – это не первичная категория, но атрибут, набор вторичных нарративных следствий. Батлер развивает эту концепцию, задавая вопрос: «Если отказаться от понимания пола как сущности, субстанции, если признать, что это блеф, то как же тогда понимать мужчину, присваивающего себе атрибуты женщины?» Ответ, по Батлер, заключается в том, что проявляя женские черты, этот тип мужчины расширяет понимание того, что значит быть мужчиной. Важно понять, подчеркивает исследовательница, что гендер – воплощение уже существующих культурных возможностей. Следовательно, если в действиях мужчины есть что-то женское, данная женственность пересматривает понимание того, что значит быть мужчиной. Действие как таковое само по себе есть процесс становления, и, действуя как мужчина, женщина изменяет значение того, что значит быть женщиной. На самом деле она расширяет значение того, что значит быть женщиной, включая такую культурную возможность, которая ранее исключалась [1, с. 293 – 303]. Батлер признает, однако, что пересмотр принятого понимания гендера посредством смещения традиционных атрибутов влечет за собой значительную

терминологическую путаницу; значения «мужественности» и «женственности» становятся изменчивыми, взаимозаменяемыми, неопределенными, и постоянное использование их в противоречивых контекстах разрушает их описательную способность. Если освободить гендер от онтологических внешних атрибутов, предписываемых формой существительного, продолжает Батлер, то его можно предоставить как переходной глагол. И тогда не будет возможности различать «правильный» или «неправильный» пол, так как не будет естественной модели, в соответствии с которой оцениваются бесчисленные их выражения. Гендер становится «исключительным новообразованием», «постоянной активностью», в то время как тело обозначает любое количество культурных возможностей. Внимательно анализируя концепцию С. де Бовуар о присвоении гендера и о гендере как форме становления, Батлер приходит к выводу, что нет необходимой связи между полом и гендером. Если пол – это «анатомические признаки бинарного отличия между человеческими телами», а гендер – «культурное значение, которое обретает пол», тогда гендер никоим образом не зависит от пола, и Батлер считает, что имеет полное право задать вопрос: не может ли каждый пол допускать существование нескольких различных гендеров, которые в равной степени могли бы относиться к обоим биологическим полам? [1, с. 302].

Таким образом, Батлер доказывает, что ни о ком нельзя однозначно сказать, что он/она – какой-либо гендер, гендер – это не то, чем человек является, и биологическая действительность, которую называют полом, есть исторический, социальный, культурный конструкт и является политической категорией.

Таким образом, гендер – это постоянно создаваемое свойство ситуационного взаимодействия, а не роль или признак. То же можно сказать и о гендерной идентичности.

Индивид постоянно должен подтверждать свою гендерную идентичность наличием и функционированием маскулинных или фемининных качеств, ролей и статусов. «Наши идентичности, – замечает М. Киммел, – это текучие сочетания значений и типов поведения, каковые мы конструируем, исходя из ценностей, образов

и предписаний, которые находим в окружающем мире. Наши гендерно сформулированные идентичности одновременно и добровольные – мы выбираем, кем хотим стать, и вынужденные, потому что на нас оказывают давление, нас вынуждают, нам разрешают или, наоборот, часто физически заставляют выполнять определенные правила» [3, с. 146]. Таким образом, основные теоретические принципы сторонников этого философского направления состоят в утверждении, что гендер – это и качество, и поведенческая идентичность личности в определенной социальной ситуации. Гендер – это «неопределенная переменная», характеристики которой уточняются временем, пространством, культурным контекстом, а потому гендер выступает не тем, чем мы являемся, а тем, что мы делаем. Учёные подчеркивают, что главное в гендерном подходе изучения философии, культуры, политики – это не акцентирование существующих различий между мужчинами и женщинами, а раскрытие специфики взаимодействия между личностью и обществом, между индивидом и социальными структурами, где центральной темой является проблема властных отношений.

1. Батлер Дж. Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар/ Джудит Батлер// Женщины, познание и реальность. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 293-303.
2. Власова Т. И. Формирование гендерных стереотипов в западно-европейской философии / Татьяна Ивановна Власова. – К.: Генеза, 2006. – 291 с.
3. Киммел М. Гендерное общество/ Майкл Киммел.– М.: РОСПЭН, 2006. – 464 с.
4. Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. [Сб. статей под ред. Э.Шоре, К. Хайдер]. Вып. 2. – М.: РГГУ, 1999. – 250 с.
5. Фуко М. Археология знания/ Мишель Фуко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», Университетская Книга, 2004. – 416 с.
6. Bemstein R. Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis/ Richard J. Berstein. – University of Pennsylvania Press, 1983. – 320 p.
7. Butler J. Gender Trouble/ Judith Butler. Feminism and the Subversion of Identity. – New York and London: Routledge, 1999. – 221 p.
8. Gilligan C. The birth of pleasure/Carol Gilligan. – L.: Vintage, 2003. – 272 p.
9. Nodding N. Caring: A Feminine Approach to Ethics and Moral Education/ Nel Nodding. – University of California Press, 2003. – 225 p.

10. Ruddick S. *Maternal Thinking. Towards a Politics of Peace*/Sara Ruddick. – London: Beacon Press, 1995. – 320 p.
11. Whitbeck C. *The Other Reality: feminist ontology*/Cohen Whitbeck// *From Beyond*

Domination: New Perspectives on Women and Philosophy. – New York: Rowman and Alanheld, 1984. – P. 64– 88.